

функций: «збирать и ведать кабацкие и мытные деньги на веру». При этом мир давал за них поручительство, то есть, избравшая его городская община разделяла с ним материальную ответственность.

Коллективная порука постепенно приобретала принудительный характер, вследствие чего местное самоуправление превращалось из права в повинность.

Таким образом, к выборным лицам в системе местного управления Московского государства относились:

1. Губные старосты.
2. Земские старосты и дьяки.
3. Таможенные головы.
4. Кабацкие головы.
5. Целовальники – помощники губных и земских старост, а также таможенных и кабацких голов.
6. Земские дьячки при земских избах и таможнях, тюремные сторожа и палачи.

Местное управление в Новгороде имело ряд особенностей в виде рудиментов республиканской системы. В частности, пятиконецкие (кончанские) старосты, известные с республиканских времен, сохранялась в Новгороде довольно долго. Система кончанского самоуправления почти на два столетия пережила вече, поскольку Москва считала эту систему политически безопасной и использовала ее в своих фискальных целях. Городские концы (Неревский, Загородский, Гончарный, Славенский, Плотницкий) были территориально-административными частями Новгорода, а выборные кончанские старосты были представителями городской администрации. Особенно активно их деятельность проявлялась в моменты ослабления центральной власти. К середине XVII в. их функции перешли к всегородним или земским старостам.

В постреспубликанском Новгороде сохранялось также самоуправление улиц и рядов (организаций новгородских ремесленников). Во главе каждого ряда и улицы стояли выборные старосты.

В Новгороде также долго сохранялся обычай избирать своих священнослужителей приходом, старостой и уличанами. Пятиконецкие старосты выбирали всем миром, то есть большинством посадского населения на год, иногда их выбирали уличанские старосты. Местом их пребывания и службы была земская изба, где решались основные вопросы городского самоуправления.

В пятиконецкие старосты избирали, как правило, наиболее богатых купцов – гостей. В их обязанности входило оглашение на посаде царских указов. Они могли вместе с wybranymi от посада людьми продавать пустые дворы и огороды, занимались переписью населения, подавали челобитные царю от посада, контролировали работу откупщиков, таможи, денежного двора, систему судопроизводства, собирали налоги. При этом они несли материальную ответственность за исправный платеж, и в случае недобора должны были вносить недостающую сумму.

На основные службы (таможня, денежный двор, суд) выбирали «прожиточных» (состоятельных) людей. Целовальников выбирали на уличанских сходах из низового посадского населения, иногда они выбирались (назначались) из числа лучших людей пятиконецкими старостами, дворецкими или дьяками. В 1611 г. в Новгороде было 7 голов и около 25 целовальников.

Отдельную страницу в истории выборных институтов Новгорода представляет Смутное время, которое с одной стороны было временем «народосоветия», а с другой было периодом иностранной военной оккупации.

Оценивая тенденции в общественно-политическом развитии Новгорода начала XVII в., видимо не стоит говорить о демократических традициях, якобы, хранившихся в сознании новгородцев и реализовавшихся в

Смуту. Апелляция к древнему прошлому Новгорода действительно фиксируется в то время, но причины использования этих идеологических схем иные. В политической риторике Новгорода начала XVII в. первым обращением к древнерусскому наследию было использование в наказе посольству юрьевского архимандрита Никандра от 25 декабря 1611 г. в Швецию упоминания о варяжском происхождении Рюрика. В этом же контексте следует оценивать обращение хутынского архимандрита Киприана на Выборгских переговорах лета – осени 1613 г. к легенде о призвании варягов. Острота политической ситуации в Новгороде (и в Московском государстве вообще) неожиданно вызвала обращение к летописной традиции. Здесь не стоит касаться проблемы достоверности легенды о призвании варягов. Ее выдающиеся литературные достоинства, а также востребованность в политическом дискурсе начала XVII века, в 1613 году привели к воспоминанию о древнем прошлом Руси, преемственность с которой была необходима новгородским интеллектуалам этого времени для обоснования новгородской идентичности. В Новгороде начала XVII века представление о древнерусской эпохе в образованной среде было сформировано легендой об Августе Кесаре середины XVI века, видимо в составе Степенной книги или какого-то другого памятника. Вообще, наследие памятников XVI столетия было чрезвычайно сильным. В ситуации распада государства и той политической коллизии, которая сложилась в Новгороде в 1611–1614 годах, идея о возможности существования Новгорода вне Московского государства была востребована: не случайно именно от нее так рьяно отреклись «депутаты» 1613 года – архимандрит Киприан и Степан Иголкин. События начала XVII века оказали сильнейшее воздействие на формирование представлений новгородцев о прошлом: отсюда и яркое толкование начального периода истории в «Сказании о Словене и Русе» и именование шведов варягами в сказании об осаде Тихвина монастыря.

Функционирование существовавших земских институтов – таких, как пятиконечные старосты в течение всего периода 1611–1617 годов – это не столько сохранение демократии, сколько сохранение созданных при Иване IV выборных органов посадской, прежде всего фискальной ответственности. Еще В.О.Ключевский писал о местных выборных органах, появившихся при царе Иване, что они не были органами самоуправления; роль их заключалась в том, что общегосударственные, приказные поручения делегировались местным выборным, с возложением на них государственной ответственности, подчас весьма тяжелой, даже не всегда посильной. Занявшие в 1611 году город шведы встретили такую

систему в Новгороде давно и успешно функционирующей. Они сохранили ее как удобный способ организации фиска и иных общественных повинностей. Даже тогда, когда режим ужесточился, эти органы сохранялись. Примечательно, что единственный известный нам случай смертной казни в Новгороде этого времени связан с судьбой одного из пятиконечных старост, Андрея Ременникова, уличенного шведской администрацией в сношениях с московскими посланцами.

Общественная организация Новгорода после событий весны-лета 1611 года носила в значительной степени неформальный характер и, несомненно, являла собой более широкий компромисс между воеводской властью и обществом, чем тот, что мы можем наблюдать в предшествующее время.

Современные исследователи (Е.И.Кобзарева, И.О.Тюменцев) показали, что все органы власти, возникшие в Смуту в различных областях Московского государства в той или иной степени копировали таковые, сложившиеся в Москве во второй половине XVI века. Несомненно огромное влияние на пробуждение общественной жизни в Новгороде оказали деятельность москвичей, введших летом 1610 года переговоры с гетманом Жолкевским, закончившиеся предварительным подписанием договора, определявшего рамки будущей царской власти в Москве, а также деятельность Совета всей Земли в 1611 г. Земская изба, совет в Новгороде – вот реальный орган управления в конце 1611 г. Но, вероятно, не только пример столичных общественно-политических деятелей сыграл здесь определяющую роль. Налицо было нечто более важное: необходимость разделения ответственности при общей слабости центральной власти, низкой ее легитимности. Такое разделение ответственности могло быть только путем обращения к широкому слою общества. Та же модель позднее используется Романовыми в первые годы царствования новой династии.

«Новгородцы всем городам», т.е. собрание высших чинов, выборных магистратов и наиболее заметных служилых людей Новгорода в съезжей избе, видимо и определяли важнейшие политические события в городе, находясь в разное время под разной степенью контроля шведской администрации. Какие решения этой избой принимались: прежде всего – отправка посольств (начиная с 25 декабря 1611 г.) и наделение их полномочиями. Полномочия давались от всего Новгородского государства. Позднейшие посольства, вплоть до посольства Киприана в Москву – были ответственны перед городом, фактически – перед Земской избой. На собрании 11 января 1615 г. «выбрали ехати от всего Ноуго-

роцкого государства для великого божья и земского дела в грамоты к Москве Спаса Хутыня монастыря архимариту Киприану, диаку Семёну Лутохину, дворянам: Якову Боборыкину, Матвеем Муравьёву, посадским торговым людям Докучаю Сласнищину и Максиму Корзихину».

Ярким примером, отразившим степень участия новгородцев в судьбе своего города была попытка шведской администрации склонить Новгород к унии со Швецией. 26 (или 25) января 1614 г. Яков Делагарди со всем высшим военным и гражданским шведским руководством заставил новгородского митрополита Исидора собрать у себя на дворе воеводу И.Н.Одоевского и всех новгородцев – приблизительно тот состав участников, какой прежде отправлял посольства. «властей, и дворян, и детей боярских, и гостей, и пятиконецких старост, и лучших людей». Новгородцам был предложен вопрос: «думают ли они ещё оставаться под покровительством и защитой» короля. Новгородцы реагировали на такое предложение вполне позитивно, обещая впредь признавать королевскую власть, считать короля своим покровителем и оставаться ему верными, согласно своей прежней присяги: «в этой своей присяге они желают жить и умереть»; если требуется снова присягнуть королевичу, они согласны. После этого Делагарди спросил о том, насколько новгородцы предполагают связать свое дальнейшее будущее с Московской державой, или они все же будут держаться короля. Этот вопрос породил дальнейшую дискуссию между шведскими властями и новгородцами о том, стоит ли последним сохранять верность прежней присяге принцу Карлу Филиппу или присягнуть Густаву Адольфу. Почему шведы пошли на переговоры с подвластным им в военном отношении городом, завершившиеся плебисцитом? Шведам нужна была легитимация унии с Новгородом, прямое насилие не могло быть определяющим фактором в это время. Именно отсюда - идеологическая борьба за души новгородцев, которую выиграла в конечном итоге Москва.

Весь 1614 год, сопровождавшийся военным столкновением с московской ратью под Бронницами, шведские власти вели переговоры с новгородцами о присяге/неприсяге королю, завершившиеся плебисцитом. Эта борьба сопровождалась широкой агитацией среди самых разных слоев горожан. В августе 1614 г. пятиконецкие старосты Докучай Сласнищын с товарищами должны были «допросити тотчас, не мешкая, о том в Великом Новгороде, во всех улицах и в слободах, у гостей и у улицких старост, и у посадских и жилищких и у всяких людей», насколько они королю Густаву Адольфу «крест целовати оне всяких чинов люди хотят-ли, или в прежнем крестном целовании хотят бытии и служить

потому» Карлу Филиппу. По результатам опроса была составлена коллективная челобитная новгородцев королю. Результатом ее было ужесточение власти шведов после окончательного отказа значительной части горожан, включая высших чинов администрации и многих известных служилых людей присягнуть Густаву Адольфу. Это повлекло за собой прямое насилие со стороны военной администрации в адрес тех, кто отказался от присяги.

Можно говорить и о том, что в последние месяцы жизни под шведской властью новгородское общество именно «всем городом» старалось принимать решения. Это началось еще с тайной переписки новгородцев с московскими воеводами в начале 1614 г., до ужесточения режима в Новгороде и последних грамот новгородцев, направленных в Столбово к московским послам уже в январе 1617 г.

Возвращение Новгорода под власть московских царей показало, что годы Смуты не прошли даром для умов новгородцев. Опыт самостоятельной политической жизни сохранялся в широких слоях жителей города и связанных с ним служилых людей. Еще С.В.Бахрушин писал о низком авторитете первых Романовых в Московском государстве в 1620–1630-х гг. Но это наследие Смуты, сопряженное с низкой легитимностью царской власти вообще, фиксируется очень широко по Московскому государству.

Следует отметить, что в XVII в. при распределении городских служб между горожанами в Новгороде имели место столкновения интересов различных социальных групп. Верхушка посада старалась переложить часть невыгодных городских служб на плечи молодых людей, что вызывало их сопротивление.

Довольно часто выборы сопровождались ростом политической активности новгородцев, проявлением их негативной реакции на действия городской верхушки и властей. В первой половине столетия реальная власть в городе принадлежала возглавлявшим партию «лучших людей» гостям Стояновым. Сильные своим богатством и связями в Москве, они не считались даже с воеводой. К середине столетия их экономическое и политическое могущество так усилилось,